

Хан Сиэнь распахнул дверь. На пороге, промокший до нитки, стоял Бай Шу. Их взгляды встретились. Сиэнь молчал; из-за ненастья его и без того холодные, ясные глаза казались еще более суровыми.

Слуги, вынужденные мокнуть под ливнем вместе с незванным гостем, не смели издать ни звука. Однако в душе они искренне восхищались упрямством молодого человека. Мало кто осмеливался вот так, не отводя взгляда, противостоять ледяной решимости Наследника.

Они не могли взять в толк, что творится в голове у Бай Шу. Наследник явно не желал его видеть, но тот с завидным упрямством приходил каждый день. Впрочем, приличия он соблюдал: стоило Сиэню лечь отдыхать, как гость безмолвно удалялся.

Самого же Бай Шу чужое любопытство не заботило. Сквозь плотную стену дождя он упрямо смотрел на Сиэня. Заметив, как тот недовольно нахмурился, юноша невольно прикусил губу. Он медленно опустил голову, однако сжатые кулаки и напряженные плечи выдавали его непокорность.

Мелкая водяная пыль плотной пеленой низвергалась с неба. Потоки воды струились по лицу Бай Шу, запутывались в длинных мокрых ресницах и стекали по переносице. Влага попала в глаза, вызвав резь.

Юноша часто заморгал. Ему показалось, будто он плачет. Эта нелепая мысль вызвала у него горькую усмешку — он и сам не знал почему, но на душе вдруг стало смешно.

Сиэнь смотрел на него, едва сдерживая раздражение. Глубокие раны на спине юноши еще не затянулись, и теперь из-за сырости они снова разошлись. Намокающая ткань на спине медленно окрашивалась багрянцем. Глядя на то, как вместе с дождевой водой на землю падают капли крови, Сиэнь почувствовал, как к горлу подступает глухой гнев. Сделав глубокий вдох, он подавил вспышку ярости и шагнул навстречу упрямцу.

Бай Шу испуганно вскинул голову и поспешно заговорил:

— У тебя слабое здоровье, а этот дождь слишком холодный. Не стой на сырости, простудишься.

Стоявшие поодаль стражники изумленно переглянулись. Наследник всегда казался им недостижимым, заносчивым и одиноким господином, к которому никто не смел обратиться с подобной заботой. Раз Бай Шу так просто высказывал свое беспокойство, значит, их связь была куда ближе, чем казалось со стороны.

Сама мысль о том, что у грозного и безжалостного Хан Сиэня может быть близкий друг, казалась воинам невероятной.

Сизнь долго смотрел в его встревоженные глаза, но в конце концов сухо бросил одному из слуг:

— Позови лекаря, пусть осмотрит его спину.

Сказав это, он развернулся и ушел в дом. Стражник тут же бросился исполнять приказание.

Бай Шу проводил его взглядом и без колебаний последовал за хозяином покоев.

В ненастные дни в Сицзяне сырость пробирала до костей, и в комнатах было почти так же холодно, как на улице. Однако, едва переступив порог, Бай Шу ощутил долгожданное тепло и оглушительно чихнул.

Сизнь опустился в мягкое кресло, даже не взглянув на вошедшего. Понимая, что с него ручьями течет вода, юноша невольно переступил с ноги на ногу и тихо попросил:

— Хан Сизнь, я хочу помыться.

Наследник поднял на него тяжелый взгляд. В его глазах на мгновение вспыхнуло глухое раздражение, но он быстро взял себя в руки и велел слугам приготовить горячую воду.

Вскоре за ширму внесли дымящуюся бадью, после чего прислуга поспешно удалилась.

Сизнь кивком указал на ширму. Юноша благодарно улыбнулся и послушно скрылся за перегородкой.

Когда горячая вода коснулась потревоженных ран, спину обожгло резкой болью, но Бай Шу даже не поморщился. Он погрузился в бадью по самую шею. Под воздействием горячего пара его бледные щеки порозовели, а в глазах заиграли живые, чистые искорки, похожие на отражение ночных звезд.

Прозрачная вода быстро окрасилась в розоватый цвет, но юноша не обратил на это внимания. Куда больше его заботило другое: его прежнее платье насквозь промокло, и надеть его было нельзя. Разумеется, он мог бы высушить его с помощью внутренней энергии, но тратить силы, накопленные годами тяжелых тренировок, на подобную глупость казалось кощунством.

Бай Шу задумчиво прикусил губу, лениво перебирая пальцами воду.

«Если я попрошу у него чистую одежду, он ведь не откажет? А если откажет, просто не стану вылезать из бадьи.»

Прежде чем он успел принять решение, послышались тихие шаги. Из-за ширмы показалась

изящная, чистая рука, державшая свежее белье и чистое платье. Раздался прохладный голос Сиэня:

— Твое платье промокло, надень это. Всё чистое.

Бай Шу с плеском высунул руку из воды, принял вещи и негромко поблагодарил:

— Спасибо.

Сиэнь ничего не ответил и неспешно удалился.

Хан Сиэнь был немного выше ростом, но платье село на юношу вполне сносно. Тонкая ткань на спине почти сразу же пропиталась кровью, но Бай Шу это не смутило. Он резонно рассудил, что у Наследника полно одежды, и тот не станет скупиться из-за одного наряда.

Когда юноша закончил одеваться, снаружи доложили о прибытии лекаря. Сиэнь коротко отозвался, велел впустить гостя и заодно вынести грязную воду из-за ширмы.

Увидев окрасившуюся в багровый цвет воду, слуги внутренне содрогнулись и поспешили поскорее покинуть покои господина.

Пока Сиэнь молча сидел в стороне, Бай Шу растянулся ничком на его постели, позволяя лекарю осмотреть израненную спину. Старый целитель, прибывший вместе с ними из столицы, повидал немало тяжелых увечий, но даже он невольно ахнул, разглядев глубокие, доходящие едва ли не до костей следы от плетей.

Вся спина представляла собой сплошное месиво из глубоких порезов, которые после горячей ванны выглядели особенно жутко.

Чувствуя на себе испытующий взгляд Сиэня, лекарь постарался сохранить невозмутимость. Завершив осмотр, он осторожно произнес:

— Раны молодого господина крайне опасны. Процесс заживления только начался, поэтому сейчас требуется строжайший покой и бережный уход.

Про себя же целитель негодовал: с такими увечьями к воде вообще прикасаться нельзя, не то что принимать горячую ванну! Это же чистое безумие! А Наследник хорош — как он только позволил так глупо рисковать здоровьем?

Уткнувшись лицом в подушку, Бай Шу не подозревал о мыслях лекаря и лишь глухо угукнул в ответ. Закончив осмотр, целитель выписал рецепт на несколько отваров — из-за купания раны могли воспалиться, и требовалось предотвратить ночной жар.

Затем он достал баночку с целебной мазью. Когда лекарь вознамерился сам обработать спину больного, юноша недовольно буркнул:

— Оставьте здесь.

Старик давно привык к причудам столичной знати и знал, что многие высокородные господа терпеть не могут чужих прикосновений.

— Смазывайте трижды в день, — напутствовал он. — И ни в коем случае не мочите спину, пока раны полностью не затянутся.

Сиэнь молча кивнул. Лекарь дал еще несколько советов, собрал свои принадлежности и поспешно откланялся.

В комнате вновь воцарилась тишина. Бай Шу лежал неподвижно, не поднимая головы, его обнаженная спина выглядела беззащитно. Сиэнь отрешенно смотрел на собственную тень на полу, погруженный в раздумья.

Спустя долгое время послышался негромкий, хрипловатый голос юноши:

— Хан Сиэнь, мне больно... Помоги мне нанести мазь, пожалуйста.

Сиэнь взглянул на оставленную на столе баночку. Лицо его оставалось бесстрастным, однако он все же поднялся с места, взял лекарство и подошел к кровати.

Осторожно, стараясь не причинять лишней боли, он принялся обрабатывать раны. Кровь неизбежно пачкала его пальцы, но Сиэнь словно и не замечал этого. Тщательно смазав каждое повреждение, он отставил мазь, подошел к тазу и тщательно вымыл руки, смывая следы крови и резкий травяной запах.

Закончив, маркиз обернулся и натолкнулся на пристальный взгляд Бай Шу, который лежал, слегка повернув голову в его сторону.

— Ты ведь уже обо всем догадался, правда? — тихо спросил юноша.

Сиэнь слегка нахмурился:

— Если тебе нездоровится, не забивай голову глупостями. Лучше отдыхай, не заставляй своего брата лишний раз беспокоиться.

Бай Шу словно не заметил его холодного тона.

— Я и не думаю глупостей, — упрямо возразил он. — Мои намерения вполне серьезны.

Сизнь почувствовал, как подавленный гнев снова закипает в его душе. Он смерил юношу тяжелым взглядом и как можно спокойнее спросил:

— Но даже если и так, какое отношение это имеет ко мне?

<http://bllate.org/book/20088/2002092>